

Говхар Бахшалиева

Этническая идентичность
Низами Гянджеви

Баку – 2021

*Книга печатается по решению Учёного Совета
Института Востоковедения имени ак. З.М.Буниятова
Национальной Академии Наук Азербайджана.*

Научный редактор:

Месиага Мухаммеди
доктор философии, доцент

Говхар Бахшалиева. Этническая идентичность
Низами Гянджеви. Баку: «Элм», 2021, – 88 с.

ISBN 978-9952-514-65-1

© Говхар Бахшалиева, 2021

**Распоряжение Президента
Азербайджанской Республики
об объявлении 2021 года в Азербайджанской
Республике «Годом Низами Гянджеви»**

Выдающийся представитель мировой литературы, гениальный азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви является одной из уникальных личностей, открывших новую страницу в летописи художественной мысли человечества. Яркое наследие великого мастера, превратившееся в неотъемлемую часть духовности нашего народа, на протяжении многих веков занимает достойное место в сокровищнице неповторимых культурных ценностей.

На протяжении всей жизни Низами Гянджеви жил и творил в древнем азербайджанском городе Гянджа, являющемся одним из важных культурных центров того времени, именно здесь он создал восхитительные жемчужины словесного искусства, обогатившие историю философско-общественной и художественно-эстетической мысли Ближнего и Среднего Востока. Завоевавшая широкую славу

«Хамсе» Низами Гянджеви находится на вершине мировой поэтическо-философской мысли. Поэт-мыслитель заложил основу большой литературной школы, состоявшей из его многочисленных последователей. Произведения Низами, украшающие знаменитые библиотеки и музеи, придали импульс и развитию искусства восточной миниатюры.

Гений Низами всегда находился в центре внимания мирового востоковедения. В нашей стране проделана большая работа в области изучения и популяризации творчества Низами, подготовлен научно-критический текст его произведений, получивший высокую оценку в низамиведении, его книги изданы в изящном оформлении и массовым тиражом. В литературе и искусстве создан запомнившийся образ Низами. В родном городе поэта - Гяндже возведен мавзолей, в Баку, Санкт-Петербурге и Риме установлены памятники поэту-мыслителю. Институт литературы Национальной Академии наук Азербайджана и Национальный музей азербайджанской литературы носят имя Низами Гянджеви. Успешно функционирует Центр Низами Гянджеви Оксфордского университета в Великобритании.

Юбилеи Низами Гянджеви всегда торжественно отмечались в нашей стране. 800-летний юбилей гениального поэта создал коренной поворот в исследовании и пропаганде его наследия. Общественно-национальный лидер Гейдар Алиев, всегда подходивший к классическому азербайджанскому литературно-культурному наследию с позиции национальной приверженности и патриотизма, уделял особое внимание и наследию Низами. Принятое в 1979 году по инициативе Гейдара Алиева постановление «О мерах по дальнейшему улучшению изучения, издания и пропаганды наследия великого поэта и мыслителя Азербайджана Низами Гянджеви» открыло новые перспективы для исследования и пропаганды творчества Низами. Церемонии по случаю 840-летия бессмертного мастера, проведенные в 1981 году по непосредственной инициативе и с участием великого лидера, стали знаменательным событием в культурной жизни страны. В 2011 году 870-летие Низами Гянджеви было широко отмечено серией мероприятий на государственном уровне.

В 2021 году исполняется 880 лет со дня рождения гениального поэта и мыслителя Низами Гянджеви. Руководствуясь пунктом 32 статьи 109 Конституции Азербайджанской Республики, учи-

Этнические идентичности Низами Гянджеви _____

творя исключительное значение богатого творчества могучего мастера слова и мысли, постоянно призывавшего людей к нравственному совершенству и прививавшего им высокие моральные качества, как достижение общечеловеческой культуры, постановляю:

1.Объявить 2021 год в Азербайджанской Республике «Годом Низами Гянджеви».

2.Кабинету Министров Азербайджанской Республики подготовить и осуществить план мероприятий, связанных с «Годом Низами Гянджеви».

ИЛЬХАМ АЛИЕВ
Президент Азербайджанской Республики
город Баку, 5 января 2021 года.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ**

«Низами не персидский поэт, он жил и работал в азербайджанской среде, и стихи его непонятны персу»

Саид Нафиси (см: Ю.Н.Марр.
Статьи и сообщения.
Собр. Соч., т II , стр. 266)

20 апреля 2015 года в Александрийской библиотеке Египта состоялась конференция, посвященная великому азербайджанскому поэту и мыслителю Низами Гянджеви. На конференции присутствовали губернатор Александрии Хани ал-Масири, директор библиотеки доктор Исмаил Серагельдин, экс-президенты Болгарии, Румынии, Албании, Колумбии, бывший генеральный директор Организации Исламского Сотрудничества Экмеледдин Ихсаноглу, посол Азербайджана в Египте Шахин Абдуллаев, египетские ученые, общественные и политические деятели, студенты. Выступивший на пленарном заседании доктор И.Серагельдин проинформировал участников

конференции о наследии великого Низами, его вкладе в мировую культуру. Азербайджанскую научную общественность на конференции представляла я. В своем докладе я коснулась общечеловеческой ценности творчества Низами, его вклада в восточную и мировую литературу. На протяжении всего выступления я неоднократно подчёркивала этническую идентичность Низами Гянджеви как азербайджанского тюрка, неоспоримое преобладание в его творчестве тюркского самосознания. Поэт продолжил традиции родной поэзии, отразил в своем творчестве общественно-политическую и культурную жизнь средневекового Азербайджана, проблемы, события и личности родной среды.

После пленарного заседания состоялась презентация бюста Низами, переданного в дар Александрийской библиотеке посольством Азербайджана в Египте. Затем была проведена пресс-конференция, после чего в рамках конференции состоялись выступления и дискуссии с участием ученых из ряда египетских университетов.

Состоялась также презентация книги профессора египетского университета Айн аш-Шамс, специалиста по персидскому языку и литературе

доктора Абд ан-Наима Мухаммеда Хасанина «Низами Гянджеви: поэт совершенства. Эпоха, среда и поэзия» («Низами ал-Гянджеви: Шаир ал-фадыля. Асруху, биатуху ва шируху».)

В докладах, представленных на конференции египетскими учеными, педагогами и студентами, освещались различные аспекты творчества поэта. В них нашли отражение большая любовь и глубокий интерес к творчеству Низами. Огорчало только то, что все выступающие считали Низами «персидским поэтом» и относили его творчество к «персидскому культурному наследию». Разумеется, мы сразу же повторно выступили и внесли разъяснения по этому поводу.

С монографией Абд ан-Наима М. Хасанина подробно ознакомиться я смогла только по прибытии в Баку. И это ознакомление, надо сказать, добавило определенное сожаление к моему первоначальному впечатлению о днях, проведенных в Александрии.

Книга состоит из двух частей, десяти глав и списка использованной литературы. Автор посвятил книгу памяти своего отца. В качестве эпиграфа к книге дан первый стих из «Сокровищницы тайн» Низами:

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ
هست کلید در گنج حکیم^۱

Бисмиллахи-р-Рахмани-р-Рахим!
Это ключ к сокровищам Хакима.

В первой части книги автор описывает эпоху Низами, государство Сельджукидов, великих сельджукидов, иракских сельджукидов, сельджукидов Малой Азии, правителей Азербайджана, атабеков Азербайджана, правителей Мараги и Ширвана, Аббасидов. Вторая глава книги, озаглавленная «Среда Низами», воспроизводит географическую среду, в которой родился поэт, общественно-политическую и культурную жизнь Гянджи эпохи поэта, а также дает информацию о семье поэта. В следующей главе анализируются имя, прозвище, псевдоним поэта, дата рождения, жизнь, нравственные качества, смерть и вероятное местонахождение его могилы.

Вторая часть книги непосредственно посвящена идейно-тематической и художественно-эсте-

نظامی گنجوی. مخزن الاسرار. متن علمی و انتقادی به سعی و اهتمام عبدالکریم
علی اوغلی عزیزاده. باکو، ۱۹۶۰، ص. ۱.

Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Составитель научно-критического текста А.А.Ализаде. Баку, 1960, стр. 1.

тической характеристике поэзии Низами. Здесь автор рассматривает существующие взгляды на искусство месневи в целом, сохранившиеся рукописи «Хамсе» и их содержание. Затем детально анализируются поэмы, входящие в «Хамсе». При этом особое внимание уделяется использованию поэтом арабских источников при написании «Лейли и Меджнун», поэма подробно сравнивается с арабской версией сюжета. В заключение исследуется поэтический диван Низами и его художественное мастерство.

Знакомство с библиографией исследования показывает, что из 166 единиц научной литературы, использованной автором, 86 написаны на персидском языке, 45 - на арабском, 19 - на английском, 2 - на немецком, 3 - на французском и 1 - на итальянском. Научная литература на азербайджанском языке не использовалась, а на турецком языке в списке литературы только две книги, да и то об истории государства Сельджукидов. Основная идея 8 книг на русском языке из списка использованной литературы, в том числе «Великий азербайджанский поэт Низами» выдающегося ученого Е.Э. Бертельса о том, что Низами был азербайджанским поэтом, проигнорирована автором книги. Как знаток персидского языка и ли-

тературы, автор широко использовал научную литературу, написанную на персидском языке и написал книгу, основанную на концепции о персидском происхождении Низами, причисляя произведения всех поэтов и писателей, писавших на персидском языке, к «персидскому наследию» («ат-турас ал-фариси») независимо от их этнической принадлежности.

Несмотря на все это, доктор И.Серагельдин пишет во введении к книге: «Один из самых выдающихся из них (поэтов – Г.Б.) - великий хахим (в смысле мудрый человек, мыслитель) Низами Гянджеви. Он сын современного Азербайджана, один из величайших ученых своего времени и один из самых выдающихся поэтов всего исламского мира, и его великая поэзия сохраняет общечеловеческую ценность»¹. А затем добавляет: «Его зовут Джамал ад-Дин Абу Мухаммад Ильяс бин Юсуф аль-Гянджеви (известный как хахим Низами Гянджеви), один из великих персидских эпических поэтов. Он родился в Гяндже в 535 г. х. (1140 г.). Этот

عبد النعيم محمد الحسين. نضامي الكنجوي شاعر الفضيحة: عصره، بيئته، شعره. 1
القاهرة، 2015، ص. 19.

Абд ан-Наим Мухаммад ал-Хасанин. Низами ал-Гянджеви - поэт совершенства: эпоха, среда, поэзия. Каир, 2015, стр. 19.

город - второй город Азербайджана, здесь он провел большую часть своей жизни. Его мать - курдянка, а отец - из Кума». ¹

Затем доктор И. Серагельдин очень высоко оценивает творчество Низами и кратко представляет все поэмы «Хамсе», подчеркивает глубокую духовную, гуманистическую, суфийскую и познавательную сущность творчества поэта и заключает: «Здесь, в Александрийской библиотеке мы считаем Низами Гянджеви одним из величайших мусульманских поэтов, занявших свое место в мире». ²

Я пишу все это не для того, чтобы умалить степень значимости работы, проделанной нашими египетскими коллегами, а чтобы показать, что египетские специалисты совершенно не проводят грань между персидским культурным наследием и персоязычным культурным наследием, который создавался многими народами Востока. К сожалению, наши уважаемые коллеги полностью нахо-

عبد النعيم محمد الحسينين. نضامي الكنجوي شاعر الفضييلة: عصره، بيئته، شعره. ¹ القاهرة، ٢٠١٥، ص. ٢٠

Абд ан-Наим Мухаммад ал-Хасанин. Низами ал-Гянджеви - поэт совершенства: эпоха, среда, поэзия. Каир, 2015, стр. 20.

² Там же, стр. 28.

дятся под влиянием иранской литературоведческой науки, не принимают во внимание другие концепции, существующие в мировой науке в этой области, и не комментируют их. Если следовать их логике, мы должны отнести к «персидскому наследию» образцы многих литератур, созданных в средние века на огромной территории от Малой Азии до Индии. При этом, Мевляна Джалаляддин Руми (Турция), Навои (Узбекистан), Шовкет Бухараи (Узбекистан), Амир Хосров Дехлеви (Индия), Хасан Дехлеви (Индия), Фани Кашмири (Индия) и многие другие окажутся «персидскими поэтами». А сколько ещё произведений других выдающихся мастеров слова, писавших на персидском языке, будут считаться «персидским наследием»? Приверженцы этой концепции забывают, что вплоть до XVII века многие народы Востока создавали поэзию на персидском языке, потому что персидский язык издавна считался языком высокой поэзии. Хорошо известно, что персидская поэзия процветала в Индии в XVI-XVII веках, во времена империи Великих Моголов. Даже когда шах Исмаил Хатаи создавал прекрасные образцы поэзии на родном азербайджанском языке, османский султан Салим Явуз сочинял стихи на персидском языке.

С научной точки зрения к вопросу очень грамотно подходит, на наш взгляд, Е.Э.Бертельс. «До сих пор под персидской литературой обычно понимают все, что написано на персидском языке, вне зависимости от того, где и в каких условиях эта литература сложилась. Затем весь этот сложный комплекс приписывают Ирану, понимая под этим ту политическую единицу, которая носит это название в данное время. Однако, такое перенесение понятия XX в. на тысячу лет назад, конечно, методологически грубо неправильно. Персидская литература сложилась не только на территории современного Ирана, в ее создании принимали участие десятки различных народов. Если мы попытаемся ограничить персидскую литературу только именами тех авторов, которые жили на территории теперешнего Ирана, то все это обилие у нас рассыплется и в руках почти ничего не останется»,¹ - пишет учёный. И дальше добавляет, что как нельзя сельджукское государство считать Ираном только потому, что в состав его входила, между прочим, и территория современного Ирана, так и связывать персидскую литературу с этой терри-

¹ Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество. Баку, 1940, стр. 17.

торией, превращать ее в литературу Ирана-неправильно».¹

Так что же делать, как восстановить историческую справедливость, как защитить поэтическое наследие великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви и целой плеяды других великолепных поэтов, писавших в соответствии с поэтической традицией своего времени на персидском языке? Как спасти веками создаваемое культурное наследие нашего и многих других народов от персинизации.

На наш взгляд, следует широко освещать достижения азербайджанского, российского и советского низамиведения. Исследования должны быть переведены на ведущие языки мира, в первую очередь на английский, и широко распространяться. В этом смысле инициатива ректора Бакинского филиала МГУ им. М. Ломоносова, действительного члена НАНА Наргиз Пашаевой - организация во всемирно известном Оксфордском университете научного центра по изучению Азербайджана и Кавказа имени Низами Гянджеви и перевод на английский язык произведения известного

¹ Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество. Баку, 1940, стр. 17.

советского востоковеда Е. Э. Бертельса «Великий азербайджанский поэт Низами» – важная и крайне необходимая инициатива. Считаю, что работа в этом направлении должна быть продолжена нашими учеными. Сегодня это задача номер один национального низамиведения.

Присвоение Азербайджанского культурного наследия соседним народом. Этногенез азербайджанского народа

Годами посещая наиболее известные в мире музеи, особенно европейские (музей Виктории и Альберта, Британский музей, Лувр и др.), я с болью в сердце отмечала, что уникальные произведения искусства, изготовленные великолепными мастерами – этническими азербайджанцами (о чем как нельзя лучше свидетельствуют их имена по месту происхождения) и вывезенные из исторических азербайджанских городов демонстрируются как произведения персидского искусства. Достаточно посетить в музее Виктории и Альберта залы, где экспонируются великолепные изделия восточного ковроткачества под вывеской «Персидский ковёр, сделано в Тебризе». Или же вспомним изумительный по своей красоте и изяществу дворец Гюлюстан – дворец тюрской династии Каджаров в Тегеране-ныне музей Голестан.

Дворец был построен во времена правления сефевидского шаха Тахмаспа I, но в течение XVIII-XIX веков постоянно перестраивался. Большой

вклад в усовершенствование дворцового комплекса внесли Ага Мухаммед-хан Каджар, сделавший Тегеран своей столицей, и Насреддин-шах Каджар, похороненный здесь же, на веранде основного дворца. Все - этнические азербайджанские турки. Дворец является великолепным синтезом восточной и западной архитектуры. В экспозиции музея, являющегося неотъемлемой частью культурного наследия азербайджанского народа, представлены керамика различных эпох, работы по камню и металлу, ткани и гобелены, музыкальные инструменты, оружие, одежда и др. И все это сегодня демонстрируются как экспонаты персидской культуры, хотя созданы бесспорным гением азербайджанского народа. Подобных примеров можно привести сотни.

Присвоение культурного наследия азербайджанского народа продолжается, к сожалению, и сегодня. Поэтическое творчество десятков азербайджанских мастеров художественного слова присваивается соседней страной под предлогом того, что писали они на персидском языке. При этом за основу берется то, что якобы еще в XII веке Азербайджан, и в том числе древняя Гянджа были в основном заселены ираноязычным населением, а азербайджанцы как этнос сформировались гораз-

до позже. Поэтому творчество таких мастеров пера как Низами, Мехсети Гянджеви, Эфзеледдин Хагани Ширвани, Бадр Ширвани, Катран Табризи, Абу-ль-Уля Гянджеви, Муджираддин Байлагани и др. является частью персидского культурного наследия. Подобные утверждения не выдерживают никакой сколь-нибудь серьёзной критики.

Апологеты персидского происхождения Низами утверждают, что в XII в. территория нынешнего Азербайджана, и в том числе Гянджа, была населена ираноязычными племенами. Известно, что историческая наука на основе многочисленных письменных источников доказала, что заселение этих мест тюркоязычными племенами, проникшими сюда с севера и с юга, началось ещё до нашей эры и постепенно усиливалось, что подтверждается и данными археологических раскопок. Широко известна цитата из книги «Китаб ат-тиджан фи мулюк химйар» Ибн Хишама. Когда халиф Муавия спрашивает некоего Убеида ибн Шария, знатока древней истории, об Азербайджане, тот отвечает: «Это земля тюрков. Скопившись там, они смешались друг с другом и совершенствовались».¹ Проникавшие сюда с XI века

¹Azərbaycan Milli Ensiklopediyası. Bakı, 2007, səh. 101.

тюрки-сельджуки слились здесь с различными тюркоязычными племенами (кыпчаки, хазары, гунны, болгары, авары и др.), веками населявшими эту территорию, не говоря уж о том, что этнический состав древней Албании был неоднороден и среди заселявших его племен были и тюркские-бунтюрки, гаргары и др. Таким образом, к XII веку был завершен процесс формирования азербайджанских тюрков.

Академик З.Буниятов в монографии «Азербайджан в VII-IX вв.» пишет: «Принять, что тюркизация (Азербайджана – Г.Б.) произошла в XI-XII вв., как это делают некоторые исследователи, было бы ошибочным. Считать тюрков каким-то пришлым, инородным элементом на территории Азербайджана - также неверно, ибо в данном случае игнорируются большие компактные местные тюркские племенные образования.

Только посредством слияния аборигенов-тюрков с пришельцами -огузами с юга и кыпчаками с севера - после ассимиляции последних и начался все более ускоряющийся и закончившийся к XI-XII вв. процесс тюркизации, приведший к образованию особой тюркоязычной азербайджанской народности на территории Азербайджана и

Арана, которая и составила современную азербайджанскую нацию». ¹

Далее академик, опираясь на сообщения средневековых источников, приводит неопровержимые факты, доказывающие правоту его утверждений. Из византийских источников известно, что в 576 г. в область Гянджи (в источнике-Сакашена) были переселены гунны-сабиры. До этого, ещё в V в. на Мугани поселились гунны, называемые в источниках тюрками. Другим доказательством расселения на территории Азербайджана тюрков по З.М.Буниятову является то, что они пришли сюда во времена вторжения хазар, среди которых тюркоязычные племена составляли большинство. Таким образом, пишет выдающийся историк, тюркизация в этой географии началась ещё задолго до прихода арабов. Арабы при завоевании Азербайджана и Арана столкнулись здесь с тюркскими племенами, о чем свидетельствуют достаточно ясно средневековые арабские и персидские источники, как-то: Ибн Хишам в «Китаб ат-тиджан» или «Маджмал ат-таварих ва-л-кысас». А в трехтомном труде «Китаб ал-футух» средневекового арабского

¹ Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв. - Избранные сочинения в трех томах, т. I, Баку, 1999, стр.203-207.

историка Ибн Асама ал-Куфи даются сведения о том, что в долине Аракса, в зоне Байлагана и Варсана был распространен тюрский язык.¹ Множество сведений подобного характера можно найти также в статье Дж.М.Мамедова.²

После завоевания Азербайджана арабами в мечетях крупных городов были открыты школы (медресе), в которых преподавание велось на арабском языке. «Появление арабов в Азербайджане и его колонизация задержали вначале этот процесс (процесс тюркизации – Г.Б.), но начавшаяся вскоре ассимиляция арабов с тюрками ускорила его и через какие-нибудь сто лет он приобрел весьма широкий размах»,³ - пишет З.М.Буниятов. Уместно здесь вспомнить и цитату выдающегося ученого-историка З.В.Тогана, который писал в статье «Азербайджан» в Исламской энциклопедии: «Азрак в своем произведении отмечает, что в 1170 году Гянджа считалась большим тюркским городом».⁴ Добавим, что Ибн Азрак (г) ал-Фарики (1117 – не

¹ См.: Буниятов З.М. Указ. сочинение, стр. 203-205.

² Мамедов Дж.М. О некоторых спорных вопросах относительно Родины и национальности Низами Гянджеви.- Вестник СПбГУ. Сер. 13, 2010, вып 1, стр. 106-116.

³ См.: Буниятов З.М. Указ. сочинение, стр. 206.

⁴ См.: Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan şairi Nizami. Bakı, 1991, səh. 23.

ранее 1181) – знаменитый средневековый историк, старший современник Низами, автор труда, содержащего уникальные сведения об отношениях Сельджукидов с аббасидскими халифами.

О заселенности Азербайджана тюрками в XII веке свидетельствует и эпос «Книга моего деда Коркута», герои которого проживают на географии исторического Азербайджана и говорят на азербайджанского языке.

С X века преподавание в Азербайджане и Аране стали вести и на персидском языке. Примерно с того времени в среде знатных слоев общества наряду с арабским стал использоваться ново-персидский дворцовый язык (дари), на нем стали сочинять поэзию и писать научные труды. Именно это стало причиной того, что широко использовавшийся общеразговорный тюркский язык обрел письменную поэтическую традицию несколько позже. Хотя, видимо, были и исключения, о чем свидетельствует настоятельное требование ширваншаха Ахситана I написать «Лейли и Меджун» на персидском или арабском, а не на тюркском языке. Здесь уместно, на наш взгляд, отметить, что традиция тюркской письменности на основе арабской графики к тому времени уже давно существовала. Достаточно вспомнить «Ди-

ван лугат ат-турки» - словарь-справочник различных тюрских языков, своеобразную тюркскую энциклопедию знаменитого филолога и лексикографа Махмуда Кашгари и «Кудатку-Билик» – знаменитое месневи выдающегося тюркского поэта и мыслителя XI века Юсуфа Баласагуни.

Вопрос о тюркизации Азербайджана рассматривается также в трудах ученого историка и этнографа Г.Гейбуллаева. Автор приходит к вполне логичному выводу: «В XI-XII веках сельджуки-огузы ни на юге, ни на севере никого не тюркизировали. Азербайджанский (тюркский) язык не пришлый, он восходит корнями к предшествующим векам. Сельджуки-огузы в обеих частях Азербайджана увеличили количество тюрков и умножили специфические черты, присущие огузской группе тюркских языков в азербайджанском языке».¹

¹ Qeybullayev Q. Azərbaycan türklərinin təşəkkülü tarixindən. Bakı, 1994, səh.30-31.

История изучения творчества Низами

Выдающийся русский советский востоковед Е.Э.Бертельс, прекрасно осознавая все величие, многогранность и монументальность творчества Низами Гянджеви, писал в предисловии к книге «Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество», изданной накануне 800-летнего юбилея великого поэта и мыслителя Азербайджанским филиалом Академии Наук СССР в 1940 году: «Я вполне сознаю, что мне удалось охватить только небольшую долю всего того богатства, которое таится в поэмах Низами. Полный охват еще впереди и сделан будет не одним человеком, а большим коллективом научных работников. В этой работе примет участие не один исследовательский институт нашей страны»¹. С тех пор прошло 80 лет и вот научная общественность отмечает уже 880-летний юбилей великого поэта. За эти годы проделана очень большая работа в отечественном и мировом низамиведении, осуществле-

¹ Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество, стр. 7.

ны десятки исследований творчества поэта, изданы многочисленные монографии, посвященные различным аспектам творчества поэта и его современников, опубликованы научно-критические тексты всех входящих в «Хамсе» поэм, осуществлены и изданы их поэтические переводы на азербайджанский и русский языки и т.д.

Тем не менее интерес к творчеству и личности одного из величайших творцов культурного наследия всего человечества не иссякает, а наоборот, усиливается, набирая все новые обороты. Создатель поэтического канона эпической поэзии всего Переднего Востока, Низами Гянджеви своим творчеством достиг таких высот, что его творения считаются величайшей сокровищницей человеческого гения. «Хамсе», гармонично отражающая систему идей Низами, его ярчайшую индивидуальность, виртуозно сконцентривало в себе гуманизм, широту и глубину познаний, простоту и ясность художественного мышления поэта. Вот почему исследователи считают Низами «одной из самых привлекательных среди крупнейших фигур и западного, и восточного Ренессанса».¹

¹ Шагинян М.С. Этюды о Низами. 1947-1956. Баку, 1981, стр. 24.

Сведения о Низами Гянджеви встречаются в восточных антологиях (тезкире) начиная с XIII века. Первая их них - антология «Любаб ал-албаб» филолога из Бухары, историка Мухаммеда Ауфи (XIII в.). Второй является антология Довлет-шаха Самарканди (XV в), в ней дается история персидской поэзии с XI по XV века. Антология Сам-Мирзы, сына шаха Исмаила I «Тазкире-йе Сами» охватывает историю персидской поэзии до XVI века.

В Европе впервые к этим источникам обратился немецкий востоковед Хаммер.¹ Английскому ученому Н.Бланду уже были известны больше сорока подобных биографий поэтов. Однако при изучении их оказалось, что первоисточником для них всех является уже известная науке антология Мухаммеда Ауфи. Затем уже следуют антология Довлет-шаха и другие. Отсюда следует, что самым древним источником по эпохе Низами является антология Ауфи.² Довлет-шах, который основывался на труд Ауфи, местом рождения поэта называет Гянджу. М.Шагинян пишет: «В начале XIX века это утверждение не оспаривал ни один

¹ Hammer. Geschichte der schönen Redekünste Persiens, Wien, 1818. См.: Шагинян М.С. Указ. сочинение, 11.

² Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр. 12.

ученый, с ним согласен и Хаммер. Но в более позднее время начинают делаться попытки связать происхождение Низами с персидским городом Кумом». ¹ Приверженцы этой версии в подтверждение своих утверждений приводили строки из «Искандер-наме», где поэт якобы говорит о своем происхождении из горных мест Кума. Литературоведческая наука с легкостью отмела подобные утверждения, доказав, что в более ранних из известных науке рукописей «Искандер-наме» этих строк нет, поэтому они однозначно были признаны позднейшей интерполяцией. Об этом же пишет Е.Э.Бертельс: «В лучшей и старейшей из известных мне рукописей Низами, принадлежащей Национальной библиотеке в Париже и датированной 763 г.х. (1360 г. н. э.), этой строки не имеется». ² Ученый поднимает вопрос о том, как на основании позднейшей интерполяции в «Искандер-наме» некоторые исследователи пытались приписать происхождение Низами персидскому городу Кум. Эта попытка была решительно опровергнута ещё востоковедом Ч.Риё и очень аргументированно доказано, что бейт, на который опираются сто-

¹ Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр. 17-18.

² Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество, стр. 26.

ронники персидского происхождения поэта, является ни чем иным, как позднейшей вставкой.

М.Шагинян, идя вперед, вполне логично объясняет причину подобных интерполяций: «Нет ни малейшего сомнения, что за Низами шла позднее борьба и что она практически могла найти себе выражение и в приписке текстов, и в изменении географических и хронологических дат, и в интерполяциях-позднейших вставках, - и в ряде других подтасовок».¹ Автор пишет о странной судьбе рукописей Низами, говорящей об острой борьбе за него, о том, что переписчики рукописей были живыми людьми со своей идеологией и своим отношением к переписываемому ими материалу.

И тут же вспоминаются слова знаменитого персидского поэта Мелик аш-шуара Бахара, сказанные когда-то советскому иранисту Ю.Н.Марру об отсутствии хорошо написанных рукописей «Хамсе», которые с самого начала переписывались с ошибками.

Известна определенная роль европейских ученых и издателей, переводивших и печатавших отдельные отрывки из произведений Низами начи-

¹ Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр.21.

ная с XIX века. В своем «Западно-восточном диване» выдающийся немецкий писатель и мыслитель И.В. Гёте отвёл немалое место Низами. Подробно ознакомившись с творчеством великого азербайджанского поэта, Гёте испытал на себе немалое его влияние, по поводу чего М.Шагинян пишет: «Можно не преувеличивая сказать, что дух Низами веет над всем «Диваном» Гёте и почти во всем его определяет».¹

И.В.Гёте пишет: «Тонкий, высокоодаренный дух, избравший – поскольку Фирдоуси исчерпал все героические предания - материалом для своих стихотворений задумшевейшие взаимодействия глубочайшей любви (die lieblichsten Wechselwirkungen Innigster Liebe)»², – так начинает Гёте свою главу под заголовком «Низами». «Он выводит Меджнуна и Лейли, Хосрова и Ширин – любящие пары, они предназначены друг другу через предчувствие, судьбу, природу, привычку, склонность, страсть; разлучены через прихоть, упрямство, случай, принуждение и насилие: опять чудесно сведены вместе и в конце концов снова тем или иным путем оторваны друг от друга и разъединены. Из этого содержания и его обработки возникает иде-

¹ Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр. 46.

² Там же, стр. 47.

альное стремление (Ideale Sehnsucht), нигде не находящее удовлетворения. Прелесть поэм велика, многообразие бесконечно. Также и в других его, непосредственно нравственной задаче посвященных стихотворениях, дышит та же милая (любезная сердцу) ясность (liebenswürdige Klarheit)».¹

Известно, что знакомился Гёте с творчеством Низами по книге Хаммера. Нашло отражение у Гёте в статье под названием «Общее» и притча из «Сокровищницы тайн», связанная с Иисусом. Автор отмечает, что «из падали разлагающейся собаки умеет Низами выжать такое нравственное наблюдение, которое изумляет и поучает людей».² Резюмируя изложенное, автор отмечает огромные полотна, созданные Низами и обилие содержащегося в них материала, к изучению которого должны быть привлечены не только филологи, но и этнографы, историки, медиевисты и представители других специальностей.

Гёте очень глубоко и конкретно охарактеризовал творчество Низами, выразив при этом своё отношение к жизни поэта и месту захоронения в Гяндже. Подчеркивая этот конкретный факт био-

¹ См.: Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр. 48.

² Там же.

графии Низами, Гёте обосновывает, что именно жизнь поэта в Гяндже, в конкретной географии, где пересекаются Европа с Азией и способствовала формированию духовной независимости великого поэта, обширности взглядов и приобретению им широчайших познаний. Это же способствовало и формированию у поэта необычной для тех времен веротерпимости и толерантности. Доказательства этому можно найти, сравнивая творчество Низами и других средневековых персидских поэтов. При всей внешней привлекательности творчества последних, они ограничиваются только фактами восточной жизни и сравнениями, присущими восточной поэзии, черпают свое вдохновение в окружающих их реалиях Востока. Тогда как в произведениях Низами наряду с восточными используются и реалии западной действительности, достижения обеих культур причудливо переплетаются и синтезируются, герои, представляющие как Запад, так и Восток живут и взаимодействуют весьма гармонично. Из всего сказанного вытекает, что именно Гёте - один из тех учёных и исследователей, кто правильно интерпретировал творчество великого Низами.

В 1871 году в Лейпциге на немецком языке увидела свет первая монография о Низами венгер-

ского исследователя Вильгельма Бахера.¹ М.Шагинян пишет, что книга Бахера явилась первым подлинным исследованием рукописного наследия поэта и с неё наука о Низами получила принципиально новую установку.² Именно в работе Бахера были открыты многие сведения о Низами личного характера: о родственниках, жене Афак, сыне, даты рождения и смерти и т.д. В книге также воссоздается идейный и общественный облик Низами, закладывается основа достоверно исторического изучения личности Низами и его творчества. Затем следуют труды Ч.Риё, Я.Рипки, Х.Риттера и др.

Большой вклад в изучение творчества Низами внес французский востоковед Франсуа Бернар Шармуа, долгие годы проработавший в Петербургском университете заведующим кафедрой персидского языка. Именно он первый заложил основы российской науки о Низами как о культурном явлении Закавказья. «...Шармуа первый отметил особенности его словаря, некоторое отличие его языка от языка персидских классиков и указал нам путь к правильному, критическому

¹ Dr. Wilhelm Bacher. Nizamis Leben und Werke und der zweire Theil des Nizamischen Alekanderbushes, Leipzig, 1871.

² См.: Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр. 52.

освоению великого азербайджанского поэта, и в этом он не только на много десятков лет опередил западную науку и В.Бахера, но и пошел совершенно иным путем, нежели западные ученые»,¹ - пишет М.Шагинян.

Работа, которую проделал Шармуа в изучении Низами, огромна и носит методологический характер. Тогда как западно-европейские ученые рассматривали творчество Низами в отрыве от его происхождения и культурного окружения, Шармуа впервые обратил внимание на принадлежность Низами к Азербайджану и на отличие его и других поэтов, живших в Азербайджане в XII веке, от персидских поэтов.

Уже в советское время большой вклад в изучение и перевод творческого наследия Низами вносят Е.Э.Бертельс, А.А.Ромаскевич, М.Шагинян, Н.В.Дьяконов, А. Крымский.

Большая работа по изучению и переводу Низами была проделана в Азербайджане. Азербайджанские ученые-низамиведы и востоковеды М.Э.Расулзаде, Г.Араслы, Р.Азаде, Р.Алиев, Н.Араслы, Т.Керимли и многие другие внесли не-

¹ См.: Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр. 66.

оспоримый вклад в исследование многочисленных аспектов творчества поэта и его эпохи.

Особо хочется подчеркнуть вышедшие в наши дни уже после Распоряжения Президента о 880-летнем юбилее поэта книги академика Р.Э.Мехтиева «Низами Гянджеви. Наследие мыслителя в контексте мировой культуры и национального самосознания» (Баку, 2021), академика Т.Керимли «Низами и история» на азербайджанском языке (Баку, 2021), члена-корреспондента НАНА Н.Араслы «Низами Гянджеви и турецкая литература» (Баку, 2021) и книгу молодого талантливого исследователя Э. Амирова «Мыслитель, затменный славой поэта. О научном мировоззрении Низами Гянджеви» (Баку, 2021).

Обзор литературы о тюркском происхождении Низами. Связь с родным Азербайджаном

Как отмечалось выше, с X века на средневековом Востоке персидский язык в силу определенных причин приобрел статус языка высокой поэзии. Начиная с Малой Азии до Индии включительно на огромном пространстве на нем сочиняли стихи не только этнические персы, но и многие другие народы, живущие в этом обширном регионе. Е.Э. Бертельс пишет по этому поводу: «Именно при сельджуках персидский язык делается основным литературным языком «огромной территории от Индии до Малой Азии...».¹

X-XII века были очень тяжёлым, но в тоже время крайне интересным периодом в истории стран мусульманского Востока. Именно в это время жил и творил Низами (1141-1209), чьё творчество ярко отразило в себе реалии городской жизни того времени. Е.Э.Бертельс добавляет: «Только в условиях города того времени, еще полнее, за-

¹ Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество, стр. 16.

кавказского города мог расцвести этот исключительный талант, подобно зодчим сельджукского времени объединивший и традиции мусульманского мира, и художественные богатства христианского Кавказа. В нем, как в фокусе, сливаются все противоречия эпохи, своим смелым пером он показывает нам картины того времени, написанные красками, не страшась руки времени».¹

М.Шагинян отмечает, что Низами писал на персидском языке – «этой «латыни» почти всей Передней и Средней Азии»² и продолжает, что его долгое время считали персидским поэтом, «не учитывая ни места его рождения, жизни и смерти (г.Гянджа), ни коренной связи его с азербайджанским окружением, о которой говорит само литературное наследство поэта, ни резкого расхождения его со многими чисто персидскими литературными традициями»³. И далее автор приводит слова выдающегося ученого Ю.Н.Марра о не то небрежном, не то враждебном отношении представителей иранской интеллигенции к творчеству Хагани и Низами, так как они не считают и не могут считать «уроженцев и жителей кавказского Азербайджана

¹ Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество, стр. 19.

² Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр.5.

³ Там же.

за своих национальных поэтов».¹ Марр приводит слова в то время ещё молодого поэта, а в дальнейшем и известного литературоведа Саида Нафиси: «Низами-не персидский поэт, он жил и работал в азербайджанской среде, и стихи его непонятны персу». ²

Связь Низами с родной средой отчетливо проглядывает сквозь все его творчество. Е.Э.Бертельс, ссылаясь на то, как Низами в своих поэмах дает решительный ответ высокомерию и излишней горделивости иранской знати своим так называемым «высоким происхождением», вполне аргументированно показывает истинное отношение поэта к этой знати, бессилие и беспомощность которой поэту были полностью ясны. Поэтому поэт считал совершенно излишним своим творчеством поддерживать и укреплять позиции иранской родовой знати. Ученый пишет: «Отсюда совершенно последовательно вытекает и его отношение к языку. Если условия эпохи и заставили его пользоваться персидским литературным языком, то архаизировать его, стремиться к воображаемой чистоте для него, конечно, было совершенно бесполезно. Он смело пользуется арабскими словами, когда они позволяют ему обо-

¹ Шагинян М.С. Указ. сочинение, стр. 6.

² Там же, стр.7.

гатить язык, усилить его выразительность».¹ Отметим, что поэт смело пользуется при необходимости не только арабскими, но и тюрскими словами, о чём подробно будет изложено ниже.

О неразрывной связи Низами с родным Азербайджаном писали многие исследователи. Известный азербайджанский ученый-литературовед, академик Г.Араслы отмечал: «Несмотря на то, что Низами писал свои произведения на персидском языке, он всегда думал как азербайджанец, заимствуя свои образные выражения у народа, живого народного языка».² Далее ученый на конкретных примерах доказывает использование Низами тюрских пословиц и поговорок.

М.Э.Расулзаде также отмечал, что творчество поэта по ощущению, чувствам, мыслям и подсознательно глубоко связано со средой своего формирования.³ Из этого логически вытекает следующее утверждение автора: «Исследуя произведения Низами становится совершенно ясно, что он далек от персидского национализма, переполнен любовью к тюркам, связан со средой и бытом Закав-

¹ Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество, стр. 129.

² Araslı H. «Azərbaycan ədəbiyyatı: tarixi və problemləri». Bakı, 1985.

³ Вах: Rəsulzadə M.Ə. Göstərilən əsər, səh. 28.

казья, поэт постоянно беспокоится об исторических судьбах и будущем своего края, одним словом, он, конечно же, азербайджанский поэт». ¹ Е.Э.Бертельс также отмечает неразрывную связь произведений Низами с родным Азербайджаном: «Я пользуюсь здесь именно этим названием, а не термином Аран, в состав которого входила в XII в. Ганджа, ибо мы видели, что охват Низами шире узких границ Арана, он обнимает, в сущности говоря, даже и не один Азербайджан, а все Закавказье. Это обстоятельство крайне важно, ибо оно отчетливо говорит о том, что, несмотря на язык своих произведений, Низами отчетливо ощущал свою связь с родной страной. Характерно, что даже деятельность Александра Низами старается перенести на азербайджанскую почву. С особенной любовью останавливается он на описании красот родной природы. Можно сказать, что наиболее яркие описания природы у Низами там, где речь идет о Бердаа, Тифлисе и других городах Закавказья». ² И далее выдающийся ученый озвучивает крайне важную мысль: «...Низами не смотрит на Азербайджан как на часть Ирана, он

¹ Вах: Rəsulzadə M.Ə. Göstərilən əsər, səh. 28.

² Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество, стр. 136.

решительно настаивает на его самостоятельности и независимости». ¹

Связь поэта с родным краем и этносом исследуется и в книге М.Э.Расулзаде. Автор пишет, что нигде и ни в одном из написанных по персидски произведениях понятие «тюрок» не используется с такой любовью и логической последовательностью, как у Низами. И далее добавляет, что в исследуемой им «Хамсе» поэта он нашел более 80-ти различных подтверждений и обоснований этому утверждению.² Все красивое, гордое, героическое, положительное, чистое, правдивое у Низами - это тюркское; боец, герой, полководец, знаток своего дела, муж, руководитель, глава идентифицируются поэтом как тюрки.³ Как результат М.Э.Расулзаде констатирует: хотя произведения Низами написаны по-персидски, по своему духу и содержанию они целиком национальны.

¹ Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество стр. 137.

² См.: Rəsulzadə M.Ə. Göstərilən əsər, səh. 141.

³ Yənə orada, səh. 142.

Отражение в творчестве Низами реалий Азербайджана

Этот вопрос нашел широкое отражение во всем творчестве Низами. Здесь мы рассмотрим в первую очередь поэму великого поэта «Лейли и Меджун». Общеизвестно, что инвариантами сюжета о Лейли и Меджнуне послужили арабские повести о двух влюбленных, нашедшие отражение в книгах Ибн Кутайбы ад-Динавари «Китаб аш-ши`р ва-ш-шу`ара», Абу-л-Фараджа ал-Исфахани «Китаб ал-агани» (две главы об арабском поэте Кайсе ибн Мулаввахе из племени Бану Амир), а также книга Абу Бакра ал-Валиби «Ахбар ал-Маджун ва аш`арихи.»

Тщательно познакомившись с первоисточниками и прежде всего с трудом Абу-л Фараджа ал-Исфахани, Низами творчески подошел к своему источнику, с великим мастерством, присущим только его перу, обработал инвариант, изменив некоторые эпизоды, дополнив их, а некоторые и вовсе отбросив. Таким образом, поэт адаптировал сюжет к реалиям Азербайджана XII в. «Характерны отличия, появление которых иногда, пожалуй,

нетрудно объяснить»,¹ -пишет Е.Э.Бертельс. Например, в книге Абу-л-Фараджа приводятся три эпизода знакомства влюбленных: в детстве вместе пасли ягнят (верблюжат) своих семей, поэт, прослышав о красоте девушки, поехал познакомиться с ней, случайное знакомство влюбленных во время эпизода с бедуинкой Каримой. У Низами Меджнун и Лейли знакомятся в школе, они вместе учатся - приём, использованный Низами в целях усиления достоверности повествуемого, деталь, весьма обычная в условиях общественной жизни восточного общества XII в., когда существовали многочисленные медресе, где девочки и мальчики вместе получали образование. Если в арабском сказании действие происходит в становищах бедуинов, шатрах, в степи и пустыне, то в поэме Низами место действия наряду с пустыней и степью -средневековый город с улицами и кварталами.

В поэме Низами Лейли, сочиняя газели о своих чувствах и страданиях, записывает их и оставляет на людных местах, прохожие доставляют их Меджнуну. В арабском сказании Лейла посылает

¹ Бертельс Е.Э. Низами. Монография. – Избранные труды. Низами и Физули. Москва, 1962, стр. 279.

Меджнуну свои стихи через посредника в устной передаче - деталь, отражающая отсутствие широкого распространения письменности в Аравии второй половины VII в. и наличие ее в Азербайджане XII в. У Низами говорится, что Меджнун с двумя-тремя друзьями каждое утро «отправлялся в паломничество к дому той луны».¹ У Абу-л-Фараджа в роли «двух-трёх друзей» выступают два двоюродных брата Меджнуна, с которыми он отправляется к покинутому становищу Лейлы любоваться её следами: «Они пошли вместе с ним и дошли до жилища Лейлы. Меджнун долго стоял около него, разыскивал ее следы и,находя что-то, плакал...».²

В арабском источнике есть два эпизода с замужеством Лейлы: по одной из них она выходит за Варда ибн ал-Укайли против своей воли, принужденная родичами, по другой - добровольно за красивого, молодого сакифита. Оба эпизода изложены предельно лаконично, всего в нескольких предложениях. В поэме Низами подробно описа-

¹ Низами. Лейли и Меджнун. Перевод вступительная статья и примечания Р.Алиева. Баку, 1981, стр. 99.

² كتاب الاغانى تأليف أبي الفرج الأصفهاني. الجزء الاول - الجزء الرابع و العشرون. بيروت - لبنان، ١٩٩٤

Абу-л-Фарадж ал-Исфахани. Китаб ал-агани, ч 3, стр. 28.

ны эпизоды встречи Ибн Салама с Лейли, его сватовство и согласие родителей Лейли. В арабском источнике есть три эпизода встречи Меджнуна с Науфалем. Однако здесь нет, как у Низами, военного столкновения воинов Науфаля с племенем Лейли. У Низами Науфал дважды через гонцов требует выдачи Лейли. Ему отказывают. Начинается сражение. Введение батальной сцены усиливает эмоциональное воздействие поэмы на читателя XII в., эстетический вкус которого привык к героическим повествованиям. Об этом писал еще Е.Э.Бертельс: «Военного столкновения в арабском предании нет, но совершенно понятно, что с точки зрения поэта XII в. описание боя являлось одной из самых выигрышных тем, в которой на основе уже имевшегося громадного опыта предшественников можно было показать все свое мастерство. Очевидно также, что читателю из кругов феодальной аристократии эта тема должна была показаться особенно интересной...».¹ Однако этим не исчерпывается необходимость введения батальной сцены. Эпизод военного столкновения у Низами имеет полифункциональный характер. Во время

¹ Бертельс Е.Э. Низами. Монография.- Избранные труды. Москва, 1962, стр 268.

битвы Меджнун не скрывает свои симпатии к воинам племени Лейли и молится об их победе, помогает им - этим великий поэт демонстрирует еще большую силу необыкновенной любви Меджнуна.

У Низами отсутствуют имеющиеся в «Книге песен» эпизоды «Меджнун закалывает верблюдицу на могиле отца», «эпизод с огнем», «эпизод с маслом», «эпизод с флаконом для мускуса», «обращение к голубю (голубке)», «обращение к горлицам», «обращение к горе», «обращение к йеменцам» и др., то есть эпизоды, являющиеся побочными и не играющие непосредственной роли в развитии сюжета. Эпизоды эти, за редким исключением, отражают реалии бедуинской жизни и чужды условиям Азербайджана XII в. Например, закалывание верблюда на могиле, согласно поверью арабов, упокаивало беспокойный дух умершего и понятно, что подобный обычай арабов был чужд и непонятен читателям на родине Низами, а потому и не нашел отражение в поэме.

В отличие от арабского сказания, где у Меджнуна было много братьев, в поэме Низами отец Меджнуна не имеет наследника и лишь после долгих молитв и многочисленных жертвований у него рождается сын - мотив, восходящий корнями

к азербайджанским народным сказкам. Кроме того, данная ситуация вполне реалистична, она могла возникать довольно часто, а потому понятна и близка читателю. В поэме Низами нет эпизода плача Меджнуна у покинутого становища Лейли. Известно, что эпизод плача у покинутого становища возлюбленной был обязательной частью арабской доисламской касыды, он широко использовался и в омейядской и аббасидской поэзии. Этот эпизод, понятный и обычный в условиях кочевой жизни аравийских бедуинов, был чужд общественной жизни Гянджи XII в.

У Низами нет имеющегося у Абу-л-Фараджа эпизода, когда Меджнун в отсутствие отца и мужа Лейлы посещает ее по ночам. Нет у Низами и эпизода, где до Меджнуна доходит весть о том, что муж Лейлы поносил его, эпизода, в котором отец Меджнуна просит некоего таифца оговорить Лейлу а также рассказа со слов шейхов племени Мурра, как некий муррит, попав под дождь, вошел в повстречавшийся ему шатер и женщина, которая была в шатре, оказалась Лейлой.¹

¹ كتاب الاغانى تأليف ابي الفرج الأصفهاني. الجزء الاول – الجزء الرابع و العشرون. بيروت – لبنان، ١٩٩٤

Абу-л-Фарадж ал-Исфахани. Китаб ал-агани, ч. 3, стр. 72, 75, 85-87.

В «Книге песен» нет эпизода, в котором старуха по просьбе Меджнуна сажает его на цепь, водит повсюду и наконец приводит к Лейли. Этот эпизод Низами, очевидно, заимствовал из труда ал-Валиби. В «Книге песен» также отсутствует описание сцены помолвки Лейли и последующего ее пребывания в доме мужа.

Нет в «Книге песен» и имеющиеся в поэме Низами беседы Меджнуна со звездами - Зухрой, Муштари, молитва чертогу Господнему, свидание Меджнуна с матерью, эпизод, в котором Меджнун узнает о кончине матери. Отсутствуют в арабском источнике и эпизоды смерти мужа Лейлы, приближения осени и кончины Лейлы, плач Меджнуна на могиле Лейлы, кончина Меджнуна у могилы возлюбленной. Нетрудно заметить, что введение этих эпизодов Низами также служат дальнейшей идеализации любви Лейли и Меджнуна и адаптации повествования к общественно-бытовой жизни Гянджи XII в.

Уже приступая к написанию поэмы, Низами не ставил перед собой задачу достоверно изложить историю Лейли и Меджнуна, как она передана в арабских источниках, а хотел создать совершенно новое, оригинальное произведение о любви двух несчастных влюбленных. Используя

отдельные, носящие фрагментарный характер эпизоды арабского источника, поэт создал поэму, все повествование которой объединяется вокруг единого сюжета. «Из элементов крайне несложного арабского предания Низами удалось скомпоновать стройную поэму, привлекавшую своей гармоничностью и почти органической спаянностью»,¹ - пишет Е.Э.Бертельс. Несмотря на то, что в поэме географические и национальные рамки четко очерчены - события происходят в Аравии, а действующие лица - арабы, все повествование тесно связано с родной автору азербайджанской средой. Повесть, отражающая жизнь героев в условиях родо-племенного строя Аравии второй половины VII в., гениальным мастером гармонично адаптирована к условиям средневекового Азербайджана.

Тот образ идеального влюбленного, который предстал перед последующими читателями и слушателями, прошел определенный путь идейного и художественного переосмысления и функциональной идеализации, пока не очистился от всего, что могло хоть в малейшей степени нанести

¹ Бертельс Е.Э. Низами. Монография. - Избранные труды. Москва, 1962, стр. 268.

ущерб устоявшемуся образу идеального влюбленного.

Меджнун Низами - необыкновенно красивый, одаренный и пылкий юноша, еще с детства отличавшийся очень чувствительным складом души, любит свою вполне земную возлюбленную преданно, до самозабвения. Эта любовь вдохновляет Меджнуна, дает ему силу и делает стойким в жестоких испытаниях.

Низами постоянно упоминает о сочинении Меджнуном стихов о возлюбленной:

می خواند نشید مهربانی
بر شوق ستارهٔ یمانی

هر بیت که آمد از زبانش
بر یاد گرفت این و آنش^۱

Пел он любовные песни,
В честь йеменской звезды.

Каждое двустипшие, которое слетало с его языка,
Запоминалось теми или иными людьми.

لیلی و مجنون حکیم نظامی گنجه ای. با تصحیح و حواشی حسن وحید دستگردی. ^۱
تهران، ۱۳۷۶، ص. 74.

Лейли и Меджнун-Хакима Низами Гянджеви. Под редакцией и комментарии В.Дастгирди. Тегеран, 1376, стр. 74.

На протяжении двух глав о Меджнуне в «Книге песен» приводятся многочисленные стихи Меджнуна о Лейле, в которых поэт вспоминает возлюбленную, проведенные вместе с ней счастливые дни и постоянно распевает свои стихи.

Известно, что Кайс в изображении Низами - человек, бросивший вызов своей среде, уклонившийся от норм ее традиционной морали и получивший взамен прозвище «одержимый» - Меджнун, он не понят обществом, в котором живет, что и заставляет его рвать все узы, связывающие его с этим обществом.

Меджнун Низами отличается от статичного героя арабского предания. Низами индивидуализировал образ Меджнуна, наделил многими новыми качествами, нашел яркие и оригинальные детали, подчеркивающие поэтический талант героя. В отличие от Абу-л-Фараджа Низами в первую очередь в образе Меджнуна вывел не влюбленного поэта, а красивого, умного юношу, сердце которого переполнено высокими гуманными чувствами и необыкновенная любовь которого выливается в прекрасные лирические стихи.

Как и образ Меджнуна образ Лейли в поэме Низами претерпел определенную эволюцию. При общности отдельных черт, роднящих ее с араб-

ским инвариантом (красота, необыкновенная любовь к Меджнуну, замужество против воли, сочинение стихов и т.д.), Низами по-своему разработал образ Лейли, индивидуализировал свою героиню, придал ей новые черты. Общее, что отличает Лейли в поэме от героини арабского сказания, это то, что в последнем она предстает эпизодически, в то время как у Низами Лейли - главная героиня. Поэт до мельчайших подробностей разработал образ бессмертной возлюбленной Меджнуна, воссоздал полнокровный облик средневековой азербайджанской женщины. В поэме Низами образ Лейли обрастает многими новыми чертами и свойствами характера, впервые внесенными великим поэтом. Покойный проф. Р.М.Алиев пишет: «Образ Лейли - одно из лучших созданий пера Низами. Этот образ выписан живо, рельефно, с любовью. Наряду с традиционными чертами описания, характерными для восточных красавиц, здесь мы видим и четко обозначенные индивидуальные черты, с помощью которых Низами создает запоминающийся образ».¹ Автор подробно описывает

¹ Алиев Р.М. Низами и его поэма. «Лейли и Меджнун». Предисловии к кн.: Низами Гянджеви. Лейли и Меджнун. Пер., предисловие и комментарии Рустам Алиева. Баку, стр. 16.

внешность героини, годы учебы в школе, процесс зарождения любви к Меджнуну, глубоко раскрывает внутренний мир героини. При этом детали, упоминаемые Абу-л-Фараджем, порой разрабатываются в большие эпические полотна и лирические отступления. Вместе с тем Лейли Низами чужда двойственность, свойственная героине Абу-л-Фараджа. У Низами Лейли, как и Меджнун - носительница идеи возвышенной любви, воплощение искренности и преданности, обладательница самых лучших человеческих качеств и высокой морали. Если у Абу-л-Фараджа только в зародыше проходит мысль о социальной обусловленности судьбы Лейлы, то Низами разрабатывает эту мысль глубоко и жизненно. В обществе, где живет Лейли, в условиях средневекового города любовь женщины рассматривается как страшное преступление против родных и близких. Здесь женщина лишена права голоса, не смеет иметь собственное мнение и высказывать его, здесь она только объект купли и продажи. Лейли - пленница и правил общественной морали, и любви. В её душе происходит жестокая внутренняя борьба - борьба между чувством долга перед родителями и мужем, и любовью к Меджнуну.

С самого начала легенда о Меджнуне в азербайджанской поэзии разрабатывалась в двух планах - плане светской и божественной любви. В каждой поэме рядом сосуществовали оба элемента, доля которых в идейном содержании поэм была различна. В зависимости от характера социально-культурной среды, где создавались поэмы и идейной установки автора на первый план выдвигалась то любовно-романтическая, то мистико-суфийская интерпретация любви Лейли и Меджнуна. Каждый поэт, обратившийся к этому сюжету, изучал легенды и творчески использовал опыт предшественников, что помогало ему находить свое собственное оригинальное решение темы, создать самобытное произведение.

Удивительно тонко прочувствовав идейную направленность арабского источника о Лейли и Меджнуне, идею о необыкновенной, возвышенной, бескорыстной любви и творчески усвоив учения о любви, созданные всем ходом предшествующего развития человеческой мысли, Низами создал свое знаменитое этическое учение о возвышенной любви. Раскрывая любовь в светском плане, поэт историю двух влюбленных развил до уровня глубокой социально-психологической драмы. В понимании Низами любовь - чистое, не-

запятнанное, лишенное всяких корыстных интересов чувство. По Низами доброта, человечность, гуманизм, сочувствие слабым и обездоленным, недовольство окружающей несправедливостью — естественные качества влюбленного. Поэтому любовь в изображении великого поэта — это прежде всего нравственная категория: подлинно любящий источник своего счастья видит только в счастье любимого. По Низами любовь — это чувство, пробуждающее в человеке инициативу, направляющее его на действия и борьбу. Поэт рассматривает любовь как высшее состояние человеческой души, наивысшее духовное состояние, обожествляет ее.

Поэт, знакомый с арабским инвариантом, использовал одни эпизоды и детали, отбрасывал другие, при этом тот или иной использованный им факт обогащался авторским пониманием действительности, происходящих в нем идеологических и социальных процессов, что в конечном итоге привело к созданию образов и сюжета, намного более богатых и сложных, чем это имело место в инварианте.

Заимствовав из «Книги песен» тот идейный и тематический материал, который отвечал его идейной установке и соответствовал общеэстетическим принципам, Низами впервые на основе

разрозненных фрагментов арабского сказания создал цельное художественное произведение, построенное вокруг единого сюжета, все части которого гармонично увязаны друг с другом. При этом поэт обогатил сюжет новыми эпизодами и удивительно тонко подмеченными описаниями из наблюдений за явлениями природы и общественной жизнью родного края. Повествуя о трагической истории любви двух несчастных влюбленных, Низами преследовал параллельно и дидактическую цель - воспитать читателя. Проповедуя принципы гуманизма, справедливости, свободы человеческой личности, поэт стремится путем просветительства преодолеть социальные недуги общества. И если идейная основа арабской повести целиком сводится к идее о чистой возвышенной любви двух несчастных влюбленных, которым не суждено обрести счастье в этом мире, то идейная основа поэмы Низами несравнимо глубже и многогранней. Поэту удалось из несложной истории двух влюбленных создать глубокую социальную драму, насыщенную трагическими коллизиями, показать конфликт между естественными чувствами героев и законами общества, в котором они живут.

Таким образом, в поэме Низами переработка арабского материала шла в следующем направлении: арабская повесть о двух влюбленных адаптирована к условиям Азербайджана XII в. Герои Низами живут, действуют и чувствуют так, как делали бы это, живя в его эпоху и на его родине.

Свидетельства тюркского происхождения в творчестве самого Низами.

Об азербайджанском происхождении Низами до сегодняшнего дня было написано много. Это труды Е.Э.Бертельса «Великий азербайджанский поэт Низами» (Баку, 1940), А.Е.Крымского «Низами и его современники» (Баку, 1984), М.С.Шагинян «Этюды о Низами» (Баку, 1981), хотя книга была написана в 1947-1956 годах, многочисленные труды азербайджанских исследователей – М.Е.Расулзаде, Г.Араслы, Р.М.Алиев, Р.Азаде, Н.Г.Араслы, М.Ю.Кулизаде, А. Гаджиев, М.Джафар, М.Ариф, М.Рафили, Т.Керимли, М.Д.Кязимов, Х.Юсифли, Г.Бегдели, Ч.Сасани, А.Аббасов и др.

Произведения Низами глубоко пронизаны симпатией автора ко всему тюркскому. Например, в «Семи красавицах» поэт и самих принцесс, и красавиц в рассказываемых им притчах называет «тюрчанками». Описывая красоту курдянки, поэт уподобляет её глаза глазам тюрчанки. Изображая арабских красавиц, поэт уподобляет их тюрчанкам, называя их «тюрчанками в арабском теле».

Этот же образ встречается в касыде поэта, посвященной пророку:

ترکیست تازی اندام وز بهر دلستانی
بر عارض سپیدش خال سیه ز عنبر^۱

Он тюрк в арабском теле и для завоевания сердец
На белом лице его черная родинка из амбры.

Поэт уподобляет всех красавиц тюрчанкам, будь – то индийская красавица или китайская красавица, или ещё какая-либо другая. И так их описывает:

تنگ دل از خنده ترکان شکر
سرمه براز چشم غزالان نظر^۲

От смеха тюркских (красавиц) сжимается сердце у
сахара,
(Их) взгляд уносит сурьму с глаз газелей.

دیوان قصائد و غزلیات نظامی گنجوی. به کوشش استاد سعید نفیسی. تهران،^۱
۱۳۶۲، ص. ۲۳۲

Диван касыд и газелей Низами Гянджеви составитель
Саид Нафиси, Тегеран, 1362 (1983), стр. 232.

نظامی گنجوی. مخزن الاسرار. متن علمی و انتقادی به سعی و اهتمام عبدالکریم علی^۲
اوغلی علیزاده. باکو، ۱۹۶۰، ص. ۷۵

Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Научно-критический текст А.А. Ализаде. Баку, 1960, стр. 75.

Или же:

ماه عربی به رخ نمودن
ترک عجمی به دل ربودن^۱

Когда она показывала лицо, была подобна
арабской луне,
А когда (завоевывала) сердца, была аджамским
тюрком.

В поэтическом стиле Низами, отличающемся обилием искусных метафор, тюркство, тюркизм - это символ силы и героизма.

В «Шарафнаме» читаем:

غلامان ترکم چو گیرند شست
ز تیری رسد لشگری را شکست^۲

Если прицелятся (натянут лук) тюркские гулямы,
От каждой (выпущенной) ими стрелы будет
покорено целое войско.

لیلی و مجنون حکیم نظامی گنجه ای. با تصحیح و حواشی حسن وحید دستگردی. ^۱
تهران، ۱۳۷۶، ص. ۶۱

Низами Гянджеви. Лейли и Меджнун. Редакция и комментарий Х.В.Дастгирди. Тегеран, 1376 (1997), стр. 61.

حکیم نظامی گنجوی. شرفنامه. به تصحیح استاد وحید دستگردی. تهران، ۱۳۳۰، ^۲
ص. ۳۷۸

Низами Гянджеви. Шарафнаме. Под редакцией проф. В. Дастгирди. Тегеран, 1330 (1951) стр. 378.

В этой же поэме есть следующие строки, воспевающие количественное превосходство тюрков и их боевые качества:

ز کوه خزر تا به دریای چین
همه ترک بر ترک بینم زمین

اگر چه نشد ترک با روم خویش
هم از رومشان کینه با روس بیش

به پیکان ترکان این مرحله
توان ریخت بر پای روس آبله^۱

От горы Хазар до Китайского моря,
Вижу землю, полную тюрков.

Хоть тюрки не близки (родственны) с римлянами,
Их злоба (ненависть) к русам больше, чем у римлян.

Стрелами тюрков на этой земле
Можно набить мозоли (ранить) на ногах русов.

حکیم نظامی گنجوی. شرفنامه. به تصحیح استاد وحید دستگردی. تهران، ۱۳۳۰،^۱
ص. ۴۳۴

Низами Гянджеви. Шарафнаме. Под редакцией проф. В. Дастгирди. Тегеран, 1330 (1951) стр. 434.

По Низами государство тюрков всегда отличалось своей справедливостью:

دولت ترکان که بلندی گرفت
مملکت از داد پسندی گرفت^۱

Когда возвысилось государство тюрков,
В стране восторжествовала (приветсуемая всеми)
справедливость.

Подтверждением тюркского происхождения Низами является также бейт, когда поэт, имея ввиду безвременно ушедшую жену, кыпчакскую тюрчанку Афаг, пишет:

اگر شد ترکم از خرگه نهانی
خدایا ترک زادم را تو دانی^۲

Если (та) тюрчанка моя исчезла, уйдя из шатра,
О Господи, моего тюрчонка Сам ты сбереги!

1 نظامی گنجوی. مخزن الاسرار. متن علمی و انتقادی به سعی و اهتمام عبدالکریم علی اوغلی علیزاده. باکو، ۱۹۶۰، ص. 113

Низами Гянджеви. Сокровищница тайны. Научно-критический текст А.А. Ализаде. Баку, 1960, стр. 113.

2 نظامی گنجوی. خسرو و شیرین. ترتیب دهنده متن علمی و انتقادی له و الکساندروویچ خه تاقوروف. باکو، ۱۹۶۰، ص. ۷۴۵

Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Составитель научно-критического текста Л.А. Хетагуров. Баку, 1960, стр. 745.

На наш взгляд этот бейт имеет исключительное значение в этнической идентификации Низами. Под словом тюрчонок - в оригинале «тюркзад» - имеется ввиду именно этническая принадлежность отца «тюрчонка», то есть происхождение по отцу (зад), а не по матери, как считают некоторые исследователи Низами.

Другой эпизод-когда ширваншах Ахситан I, заказывая поэму о бессмертной любви героев имевшем широкое распространение на всем Востоке, в том числе и в тогдашнем Азербайджане, сюжета о Лейли и Меджуне, конкретно пишет:

در زیور پارسی و تازی
این تازه عروس را طرازی^۱

Персидскими и арабскими украшениями
Разукрась ты эту новобрачную.

И далее ширваншах продолжает:

ترکی صفت وفای ما نیست
ترکانه سخن سزای ما نیست

لیلی و مجنون حکیم نظامی گنجه ای. با تصحیح و حواشی حسن وحید دستگردی. ^۱ تهران، ۱۳۷۶، ص. ۲۵

Низами Гянджеви. Лейли и Меджнун. Под редакцией и комментарии Х.В. Дастгирди. Тегеран, 1376 (1997), стр. 25.

آن کز نسب بلند زاید
او را سخن بلند باید^۱

Тюркские особенности не подобают нам,
Слово по-тюркски недостойно нас.

С тем, кто имеет благородное происхождение,
Необходимо (говорить) высоким слогом.

Поэта вводят в ступор слова ширваншаха:

چون حلقه شاه یافت گوشم
از دل به دماغ رفت هوشم

نه زهره که سر ز خط بتایم
نه دیده که ره به گنج یابم^۲

Так как в ухо мне было вдето шахское кольцо,
Сознание мое взбунтовалось (из сердца
перескочило в голову).

Я не смел послушаться письма (указа),
Но и глаза мои (не видели) дороги к сокровищнице.

لیلی و مجنون حکیم نظامی گنجه ای. با تصحیح و حواشی حسن وحید ۲۶^۱
دستگردی. تهران، ۱۳۷۶، ص.

Низами Гянджеви. Лейли и Меджнун. Под редакцией и
комментарии Х.В.Дастгирди. Тегеран, 1376 (1997), стр. 26.

² Там же.

Как видим, Низами был возмущен словами ширваншаха, считавшего тюркский язык недостойным его «высокого происхождения». По нашему убеждению отсюда можно сделать два очень важных вывода:

1. тюркский язык был родным языком Низами и именно поэтому высокопарные слова ширваншаха вызвали у него столь глубокое возмущение;

2. если ширваншах приказывает «разукрасить» поэму персидскими и арабскими словами, то есть написать её на персидском или арабском языке, но ни в коем случае не на тюркском языке, это означает: письменность на тюркском языке в те времена была распространена, ею пользовались, на ней писали и что Низами владел этим языком и даже писал на нем, о чем было широко известно его современникам и даже ширваншаху Ахситану I.

В поэме «Семь красавиц» поэт выражает свою горечь по поводу того, что его тюркский язык не востребован в высоких дворцах:

ترکیم را در این حبش نخرند¹

هفت پیکر نظامی گنجوی. متن علمی و انتقادی. به تصحیح دکتر برات زنجانی. ¹ تهران، ۱۳۸۰، ص. ۴۱

Низами Гянджеви. Семь красавиц. Научно-критической текст. Под редакцией доктора Б.Занджани. Тегеран, 1380 (2001), стр 41.

Мое тюркство (тюркский язык) в этой Абиссинии
не востребовано...

Некоторые исследователи, затрагивая этническое происхождение Низами, упорно ссылаются на бейт в «Лейли и Меджнун», где поэт, вспоминая покинувших этот мир близких, пишет о своей матери:

گر مادر من رئیسۀ گرد
مادر صفتانه پیش من مرد^۱

Gər madəre-mən rəisəye gord,
Madər sefətane pişe mən mord.

В некоторых рукописях на персидском языке слово «گرد» «горд» - «храбрая» ошибочно было прочитано как «کرد» «курдянка»:

گر مادر من رئیسۀ کرد
مادر صفتانه پیش من مرد

В связи с этим и в переводе было сделано соответствующее досадное искажение смысла текста с

لیلی و مجنون حکیم نظامی گنجه ای. با تصحیح و حواشی حسن وحید دستگردی. ^۱
تهران، ۱۳۷۶، ص. ۴۹

Низами Гянджеви. Лейли и Меджнун. Редактор и автор комментариев Г.В.Дастгирди. Тегеран, 1376 (1997), стр. 49.

вытекающими отсюда последствиями о том, что мать Низами была якобы курдянка.

В действительности бейт должен переводиться следующим образом:

Хоть моя мать была и храброй женщиной,
Она со всей материнской нежностью умерла
при мне.

Таким образом, ни о какой «курдянке Раисе» как матери Низами и речи быть не может. Следует отметить, кстати, что об этом впервые в низамиведении в 80-х годах прошлого века писал известный низамивед, покойный профессор Рустам Алиев.

К месту здесь будет, на наш взгляд, прокомментировать и другой бейт Низами, который некоторыми исследователями увязывается с этническим происхождением поэта.

نظامی یکدشی خلوت نشین است
که نیمی سرکه نیمی انگبین است¹

نظامی گنجوی. خسرو و شیرین. ترتیب دهنده متن علمی و انتقادی له و 44
الکساندروویچ خه تاقوروف. باکو، ۱۹۶۰، ص. ۴۴

Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Составитель научно-критического текста Л.А.Хетагуров. Баку, 1960, стр. 44.

Низами- икдиш, сидящий в затворничестве,
Наполовину уксус, наполовину мёд.

Слово «икдиш» многозначно. В «Лугат-наме» Деххуда указывается, что наряду со значением «метис», это слово также означает «смесь двух противоречивых свойств». На наш взгляд в бейте Низами имеется ввиду как раз второе, переносное значение слова «икдиш». То есть поэт подчёркивает здесь как раз наличие в своем характере двух противоречащих друг другу свойств-едкое как уксус и приятное, сладкое как мёд. Если принять во внимание контекст, в котором приведён данный бейт, становится совершенно очевидным использование Низами слова «икдиш» именно во втором значении:

نباشد بر ملک پوشیده رازم
که من جز با دعا با کس نسازم...

ز طبع تر گشاده چشمه نوش
بزهد خشک بسته بار بر دوش

دهان زهدم ارچه خشک خانایست
لسان رطبم آب زندگانایست

چو مشک از ناف خلوت برگرفتم
به تنهایی چو عنقا خو گرفتم

گل بزم از چو من خاری نیاید
ز من بیش از دعا کاری نیاید^۱

Моя тайна не скрыта от правителя,
Кроме как посредством молитвы я ни с кем не
сойдусь...

От моей свежей природы исходит приятный родник,
Одним аскетизмом несую на плечах свой груз.

Если даже мой рот аскета будет сухим водоёмом,
Мой сладкий язык-живая вода.

Получая из сурового затворничества мускус,
Я привык к одиночеству как птица Феникс.

Из подобного мне щипа не получится цветок
меджлисов,
Кроме молитвы я ни к чему не пригоден.

Как видно, поэт объясняет своим противоречивым характером и привычкой к одиночеству и

نظامی گنجوی، خسرو و شیرین. ترتیب دهنده متن علمی و انتقادی له و^۱
الکساندروویچ خه تاقوروف. باکو، ۱۹۶۰، ص ۴۴.

Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Составитель научно-критического текста Л.А.Хетагуров. Баку, 1960, стр. 44.

затворничеству то, что он не может предстать перед шахом и участвовать в его меджлисах. Используемые в тексте противоположные слова: свежий-сухой, щип-цветок выступают как средства усиления смысла сказанного и проясняют, почему Низами называет себя «икдиш».

О превосходстве тюрского происхождения у Низами явственно говорят слова Мехин-бану, обращенные к Ширин в поэме «Хосров и Ширин»:

گر او ماهست ما نیز آفتابیم
و گر کیخسرو است افراسیابیم¹

Если он Луна, то мы Солнце,
Если (он) Кей-Хосров, (то мы) Афрасиябы.

Как известно, Кей-Хосров-мифический герой эпоса Фирдовси «Шахнаме», легендарный царь Ирана, считающийся предком персов. Афрасияб-легендарный царь Турана, герой «Шахнаме» Фирдовси, считающийся предком тюрков. Цитируемый бейт многозначен: сравнивая Кей-Хосрова

نظامی گنجوی. خسرو و شیرین. ترتیب دهنده متن علمی و انتقادی له و¹
الکساندروویچ خه تاقوروف. باکو، ۱۹۶۰، ص. ۲۱۹

Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Составитель научно-критического текста Л.А.Хетагуров. Баку, 1960, стр. 219.

с Луной, а Афрасияба с Солнцем, поэт подчёркивает величие потомков Афрасияба, то есть тюрков, ничем не уступающих потомкам Кей-Хосрова, то есть персам.

Во-вторых, в этом бейте явственно заключено мнение автора об извечной борьбе Ирана и Турана, нашедших широкое отражение в «Шахнаме» Фирдовси. Автор ставит тюркское происхождение, наследие, потомков тюрка Афрасияба выше иранского происхождения, наследия и потомков Кей-Хосрова.

В-третьих, на наш взгляд, этот бейт ставит окончательную точку в вопросе об этнической принадлежности главной героини поэмы Ширин и её тети Мехин-Бану, идентифицируя их однозначно как тюркскую царевну и тюркскую правительницу. Известно, что некоторые исследователи, исходя из того, что Ширин жила в Арман (у Низами), идентифицируют её с армянской царевной, а некоторые считают арамейкой. Ответ на это недоразумение можно опять же найти в творчестве самого Низами. Так, описывая возвращение Ширин во дворец Мехин-Бану после долгого отсутствия, автор пишет:

چو دیدندش زمین را بوسه دادند
زمین گشتند و در پایش فتادند

بسی شکر و بسی شکرانه کردند
جهانی وقف آتش خانه کردند^۱

Увидев её (Ширин), они поцеловали землю,
Упали на землю к её ногам.

Множкратно благодаря раздали милостыню,
В храм огня отдали множество жертвоприношений.

Из приведенных двух бейтов однозначно следует также, что Ширин, Мехин-Бану и все, кто служил в её дворце были огнепоклонниками, то есть зороастрийцами, а в стране, где они жили, было множество храмов огня. То есть страна, где жили героини поэмы исповедовала зороастризм. Таким образом, из сказанного с уверенностью можно сделать вывод, что Ширин была тюрчанкой, исповедовавшей огнепоклонство.

О том, что Арман в те времена была землей огнепоклонников, в творчестве Низами можно найти ещё доказательства. Приведем лишь одну:

بریدی در آمد چو آزادگان
ز فرمانده آذرآبادگان

¹ Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Составитель научно-критического текста Л.А.Хетагуров. Баку, 1960, стр. 203-204.

که شاه جهان چون جهان رام کرد
ستم را ز عالم تهی نام کرد

چرا کار ارمن فرو هشت سست
نکرد آن بر و بوم را بازجست

بروز نو این بوم نزدیک تر
چرا ماند از شام تاریک تر

به ارمن در آتش پرستی کنند
دگر شاه را زیر دستی کنند¹

От правителя Азербайджана (Азербайджана),
Пришел из вольных один гонец.

И он (сказал): Шах вселенной покорил весь мир,
Стёр понятие гнета со всего мира.

Почему в отношении Арман проявил инертность?
Не поинтересовался той землей?

Эта близкая тебе страна при рассвете (с началом дня)
Почему должна быть чернее ночи?

В Арман поклоняются огню,
Служат другому шаху.

¹ Низами Гянджеви. Шарафнаме. Под редакцией проф. Вахида Дастгирди. Тегеран, 1330 (1951), стр. 273.

Другим подтверждением тюркского происхождения Низами является многочисленное использование им тюркских слов. М.Э.Расулзаде приводит некоторые образцы: алачуг (юрта, войлочный шатёр), амадж (цель, мишень), бейраг (флаг), билек (запястье), бисрак (порода верблюдов), тутуг (навес, зонт), тутмадж (блюдо), чок (много), чалыш (наступление), чавуш (сержант), чиркин (грязный, некрасивый), даг (клеймо), ийлаг (горное плато, прохладное место), галавуз (проводник), гырмызы (красное), Кур (река Кура), най-и турки (воинский горн), ушаг (ребенок, мальчик-раб), устаг (комната), езек (идущий впереди) и многие другие.¹

¹ Rəsulzadə M.Ə. Указ. сочинение, стр. 224-228.

Сабки Азербайджани

В XII веке в персоязычной поэзии сформировалась так называемая азербайджанская поэтическая школа во главе которой стояли такие могущественные мастера пера как Хагани Ширвани и Низами Гянджеви. Созданный ими новый поэтический стиль, получивший в литературоведении название «сабки Азербайджани» отличался такой высокой художественностью и образностью, что оказал неоспоримое влияние на дальнейшее развитие всей персоязычной и тюркоязычной поэзии. Представителями этой школы помимо Низами и Хагани являлась также целая плеяда выдающихся азербайджанских поэтов-Мехсети Гянджеви, Абул-Уля Гянджеви, Фалаки Ширвани, Муджираддин Байлагани, Гивами Мутарризиди и др. Этот стиль был обусловлен определенными этническими, географическими, историко-политическими и социо-культурными факторами эпохи и имел свои, только ему присущие специфические черты. Поэзия представителей этой школы существенно отличалась от предшествующей персоязычной поэ-

зии. Это выражалось и в тематическом разнообразии, и в высокой художественности поэтического языка. Жанр мадхов уступил свое место изящным лирическим газелям. Увеличилось художественное мастерство создаваемой поэзии, чаще стали употребляться олицетворения, сравнения и метафоры. Но привнесение в поэзию сарказма, трудновоспринимаемых образов, различные сведения и толкования, заимствованные из научных познаний эпохи сделали её труднопонимаемой. Поэты стали употреблять слова и выражения, имеющие новый художественные смысл. С целью усиления красоты стиха стали чаще употребляться средства художественной выразительности.

Чаще стали использоваться трудные поэтические рифмы и припевы, арабские, тюркские слова и выражения, переводы тюркских идиоматических выражений, научные термины и понятия. Чтобы понять эту поэзию, необходимы были глубокая образованность и определенные научные познания, свойственные эпохе. Часто слова употреблялись не в прямом, а в переносном смысле, приобретали научный, философский, метафорический смысл. Все это было уникальным явлением в истории персоязычной литературы. На поэтов определенно оказала влияние та языковая среда, в

которой они жили-тюркский язык. Отсюда обилие тюркских слов в языке этих поэтов, использование фольклорных мотивов, образов, созвучных сцен. Другой особенностью азербайджанского стиля в персоязычной поэзии было обретение интеллектуальным, воображаемым содержанием конкретных, реальных значений. Этот стиль характеризовался также большим интересом к внутреннему миру человека, использованием и трудных рифм, благозвучием, музыкальностью стиха. Все это одновременно и обогащало стиль, и придавало ему торжественность.

Возникновение азербайджанского стиля в персоязычной литературе XII века - результат проживания поэтов, пользовавшихся этим стилем в единой географической и культурной среде, общей общественно-политической атмосфере. Однако, несмотря на общность стиля, творчество этих поэтов, конечно же, имело и индивидуальные особенности, обуславливаемые специфическим мировоззрением, духовным миром, личностными качествами и поэтическим талантом автора.¹

¹ См.: Mətləbi A.B. Farsdilli poeziyada Azərbaycan üslubu (təşəkkül, təkamül və ədəbi təsir məsələləri). Aftoreferat. Bakı, 2012.

Необходимо добавить, что вопрос различных поэтических стилей в персоязычный литературе впервые был поднят в самом Иране в конце XIX века знаменитым иранским поэтом Мелик ашшуара Бахаром в книге «Стилистика или история эволюции персидской прозы». Автор впервые повествует о трёх стилях в персоязычной поэзии-хорасанском, иракском и индийском и рассматривает азербайджанский стиль (сабки Азербайджани) в рамках иракского поэтического стиля. Подобная классификация впоследствии была принята и в научной литературе. Азербайджанскому стилю в персоязычной поэзии были посвящены несколько статей таких авторов, как Сирус Шамисан, Мухтар Ибрахими, Саид Нафиси, Мухаммед Гуламриза и др.¹

¹ Mətləbi A.B. Farsdilli poeziyada Azərbaycan üslubu (təşək kül, təkamül və ədəbi təsir məsələləri). Dissertasiya. Bakı, 2012, səh. 6.

Заключение

Завершая наше небольшое исследование хотелось бы отметить следующее: великое, неповторимое, всеобъемлющее, многогранное творчество Низами Гянджеви, несмотря на определенные элементы традиционности, глубоко индивидуально, сквозь него со всей силой вычерчивается блестящая, ярчайшая личность самого поэта. Е.Э.Бертельс писал: «Низами разбил традицию, сковывавшую язык эпоса, оживил и обогатил его, словом, приблизил к современности. Но ведь от этого шага следующим логическим этапом мог быть только один - в случае необходимости, отказ от персидского языка, как единственного средства общения. Я считаю, что хотя пока у нас и нет произведений Низами на каком-либо ином языке, кроме персидского, но, тем не менее, почва к отказу от этого языка была подготовлена именно им».¹

¹ Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество, стр. 143.

Эти строки как нельзя лучше демонстрируют национальную идентичность поэта, сумевшего в сложнейших условиях средневекового мракобесия разбить господствующий поэтический канон, придать своему творчеству ярко выраженный тюркоцентристский характер и подготовить почву для будущего развития и процветания родной тюркоязычной поэзии.

Список использованной литературы

На азербайджанском языке

1. Araslı H. «Azərbaycan ədəbiyyatı: tarixi və problemləri». Bakı, 1985.
2. Araslı N. Nizami və türk ədəbiyyatı. Bakı, 1980.
3. Azadə R. Nizami Gəncəvi (həyat və sənəti). Bakı, 1979.
4. Azadə R. Nizami və onun poeziya sələfləri. Bakı, 1999.
5. Azadə R. Azərbaycan epik şeirinin inkişaf yolları. Bakı, 1975.
6. Ağayev Ə. Nizami və dünya ədəbiyyatı. Bakı, 1964.
7. Əlizadə L. Nizami Gəncəvinin milli mənsubiyyətinə dair bəzi qeydlər. «Elm» qəzeti, 26.II.2021 və 5.III.2021.
8. Xəlili X. Azərbaycan türklərinin etnogenezi və milli inkişaf tarixi. Bakı, 2007.
9. Qeybullayev Q. Azərbaycan türklərinin təşəkkülü tarixindən. Bakı, 1994.
10. Mətləbi A.B. Farsdilli poeziyada Azərbaycan üslubu (təşəkkül, təkamül və ədəbi təsir məsələləri). Aftoreferat, Bakı, 2012.
11. Mətləbi A.B. Farsdilli poeziyada Azərbaycan üslubu (təşəkkül, təkamül və ədəbi təsir məsələləri). Disertasiya, Bakı, 2012.
12. Nizami Gəncəvi. Lirikası. Bakı, 2004.

13. Nizami Gəncəvi. Sirlər xəzinəsi. Bakı, 2004.
14. Nizami Gəncəvi. Leyli və Məcnun. Bakı, 2004.
15. Nizami Gəncəvi. Xosrov və Şirin. Bakı, 2004.
16. Nizami Gəncəvi. Yeddi gözəl. Bakı, 2004.
17. Nizami Gəncəvi. İsgəndərnamə. Şərəfnamə. Bakı, 2004.
18. Nizami Gəncəvi. İsgəndərnamə. İqbalnamə. Bakı, 2004.
19. Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan şairi Nizami. Bakı, 1991.
20. Siracoğlu R. Gəmi səni də suya qərq edər və ya mister Edmund Herziqə cavab. www.azpolitika.info. 25.IX.20
21. Togan Z.V. Azərbaycan. Bakı, 2007.

На русском языке

1. Араслы Н. Низами Гянджеви и турецкая литература. Баку, 2021.
2. Амиров Э. Мыслитель, затменный славой поэта. О научном мировоззрении Низами Гянджеви. Баку, 2021.
3. Бартольд В.В. Могила поэта Низами. Сочинения, I-II часть. Москва, 1963.
4. Багиров А. Присвоение и отторжение культурного и исторического наследия Азербайджана иранским и армянским правительствами на примере великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Апрель-май, 2006. www.azerbaijan.com/NizamiGanjavi.html
5. Бертельс Е.Э. Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха-жизнь-творчество. Баку, 1940.
6. Бертельс Е.Э. Низами и Фузули. – Избранные труды. Москва, 1962.

7. Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX веках. – Избранные сочинения в трёх томах. том I, Баку, 1999.

8. Буниятов З.М. Государство Атабеков Азербайджана. - Избранные сочинения в трёх томах. том II, Баку, 1999.

9. Брагинский И.С. «И.В.Гёте. Западно-восточный диван». Статья в серии «Литературные памятники», 1988.

10. Гаджиев А. Ренессанс и поэзия Низами Гянджеви. Баку, 1980.

11. Доказательства азербайджанской принадлежности поэта Низами-армянам на заметку. www.day.az, 8.I.2021.

12. Крымский А.Е. Низами и его современники. Баку, 1981.

13. Марр Ю.Н.Собрание сочинений, Москва, 1939, том II.

14. Маковельский А.О. Азербайджанское общество XII века по произведениям Низами. «Низами» - Материалы научной конференции, посвященной жизни и творчеству поэта. 3-6 июня 1947 г., Баку, 1947.

15. Мамедов Дж.М. О некоторых спорных вопросах относительно Родины и национальности Низами Гянджеви.- Вестник СПбГУ. Сер. 13, 2010, вып 1.

16. Мехтиев Р.Э. Низами Гянджеви. Наследие мыслителя в контексте мировой культуры и национального самосознания. Баку, 2021.

17. Низами Гянджеви. Краткий справочник. Баку, 1979.

18. Низами Гянджеви. Собрание сочинений в 5-ти томах. Москва, 1985-86 гг.

19. Шагинян М.С. Этюды о Низами, 1947-1956. Баку, 1981.

На персидском языке

1. نظامی گنجوی. مخزن الاسرار. متن علمی و انتقادی به سعی و اهتمام عبدالکریم علی اوغلی عزیزاده. باکو، 1960
2. نظامی گنجوی. خسرو و شیرین. ترتیب دهنده متن علمی و انتقادی له و الکساندروویچ خه تاقوروف. باکو، 1960، ص.
3. لیلی و مجنون حکیم نظامی گنجه ای. با تصحیح و حواشی حسن وحید دستگردی. تهران، 1376
4. هفت پیکر نظامی گنجوی. متن علمی و انتقادی. به تصحیح دکتر برات زنجانی. تهران، 1380
5. حکیم نظامی گنجوی. شرفنامه. به تصحیح استاد وحید دستگردی. تهران، 1330
6. دیوان قصائد و غزلیات نظامی گنجوی. به کوشش استاد سعید نفیسی. تهران، 1362
7. جواد هئیت. در باره واژه ها، مفاهیم و امثال ترکی در آثار حکیم نظامی. - مجله وارلیق، شماره 142، پائیز 1385
8. رستم علی یف. نظامی ده تورکلوک. - وارلیق درگیسی، سایی 1، ایل 1991

На арабском языке

1. عبد النعیم محمد الحسین. نظامی الکنجوی: شاعر الفظیلة. عصره، بیئته و شعره. القاهرة، 2015
2. کتاب الاغانی تألیف ابي الفرج الأصفهانی. الجزء الاول - الجزء الرابع و العشرون. بیروت - لبنان، ۱۹۹۴

Bədii tərtibat: Əli Hüseynov

Formatı: 60x84 ¹/₁₆

Həcmi: 6.75 ç.v.

Tirajı: 500

Qiyəti müqavilə əsasında

Kitab MİHAN MMC tərəfindən hazır
diapozitivlərdən istifadə olunmaqla
çap edilmişdir.